

Валерий Гречко
Университет Токио
VGretchko@hotmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-3269-9188>

Valerij Gretchko
The University of Tokyo
VGretchko@hotmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-3269-9188>

«БЕРЛИНСКИЙ ДОКЛАД» СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВА И КОНЦЕПЦИЯ «ОПЕРАТИВНОГО ПИСАТЕЛЯ»*

SERGEI TRET'YAKOV'S "BERLIN LECTURE" AND THE CONCEPT OF THE "OPERATIVE WRITER"

В 1930–1931 гг. Третьяков совершил поездку по нескольким европейским странам, общаясь с левыми интеллектуальными и художественными кругами. В январе 1931 г. во время публичной лекции в Берлине под названием «Писатель и социалистическая деревня» он впервые в развернутом виде представил свою концепцию «оперативного писателя». Эта концепция бросила вызов традиционным представлениям о литературном творчестве и социальной роли профессионального писателя. Вместо того чтобы рассматривать писателя как беспристрастного наблюдателя или создателя автономных произведений, Третьяков предложил видеть в нем активного участника общественных процессов — автора, непосредственно вовлеченного в организацию, документирование и преобразование реальности, особенно в контексте социалистического строительства.

В настоящей статье концепция Третьякова рассматривается в широком контексте советско-германских интеллектуальных и художественных связей того времени. Обращается внимание на то, что сам термин «оперативный писатель» мог быть сформулирован Третьяковым именно благодаря его пребыванию в Германии.

Ключевые слова: Сергей Третьяков, оперативный писатель, колхозные очерки, *Новый ЛЕФ*, советско-германские культурные контакты.

In 1930–1931 Tret'yakov travelled across several European countries, engaging with left-wing intellectual and artistic circles. In January 1931, during a lecture in Berlin titled "The Writer and the Socialist Village," he gave his first detailed presentation of his concept of the "operative writer". The concept challenged conventional notions of literary production and the social role of the professional author. Instead of viewing the writer as a detached

* Исследование выполнено при поддержке проекта JSPS KAKENHI Grant Number 23K21922.

observer or creator of autonomous works, Tretyakov proposed an active participant in social processes — an author directly involved in organizing, documenting, and transforming reality, particularly within the context of socialist construction.

This paper examines the concept developed by Tretyakov within the broader context of Soviet-German intellectual and artistic ties of the time. Attention is drawn to the fact that the term “operative writer” could have been coined by Tretyakov precisely as a result of his stay in Germany.

Key words: Sergei Tretyakov, operative writer, kolkhoz essays, *The New LEF*, Soviet-German cultural contacts.

Знакомый незнакомец

21 января 1931 года в берлинской гостинице «Русский двор» («Russischer Hof») произошло событие, получившее большой резонанс в литературной жизни немецкой столицы. Там состоялся публичный доклад советского писателя Сергея Третьякова. Доклад, организованный Обществом друзей новой России¹, носил название «Писатель и социалистическая деревня». Однако за таким невзрачно-бюрократическим названием скрывалась концептуальная бомба, брошенная прямо в центр интеллектуально-художественных дискуссий, ведущихся в Германии накануне прихода к власти нацистов. В докладе речь шла ни много ни мало об упразднении сословия профессиональных литераторов («депрофессионализации») и фактически о конце литературы в общепринятом понимании этого слова.

Хотя это был первый приезд Третьякова в Германию и вообще в Западную Европу, он не был там незнакомцем. Его имя было широко известно, прежде всего, как автора революционной пьесы *Рычи, Китай!*, поставленной на многих театральных сценах в Европе и за ее пределами и получившей в Германии особый резонанс в условиях напряженной политической ситуации накануне краха Веймарской республики². Как отмечает К. Кларк,

¹ Общество друзей новой России (Gesellschaft der Freunde des neuen Russland) было основано в июне 1923 г. в Берлине и просуществовало до прихода к власти нацистов в 1933 г. Как отмечала газета *Die rote Fahne*, орган Коммунистической партии Германии, оно объединяло «здравомыслящих в кругах буржуазной интеллигенции, понимающих, какое огромное всемирно-историческое значение <...> имеет переворот, совершившийся в России», и ставило своей задачей «привлечь друзей и распространять правду путем организации докладов, обеспечения книгами и другими материалами и посредством обмена делегациями деятелей культуры» (*Die Rote Fahne*, 30.06.1923, цит. по: Дернберг 1977: 181–182). Наряду с адептами откровенно левых идей, членами общества являлось значительное количество немецких интеллектуалов различной политической направленности (например, А. Эйнштейн, Т. Манн, В. Гропиус и др.), разделявших интерес к Советскому Союзу. Финансирование и направление деятельности общества осуществлялись из Москвы через посредство ВОКС. О степени близости общества к советским структурам можно судить по такой детали: когда 25 марта 1930 г. в помещении общества (находящемся в той же гостинице «Russischer Hof», где выступал Третьяков) состоялся доклад Осипа Брика, Лиля Брик восприняла это помещение как «клуб советского посольства» (см.: Янгфельдт 2009: 529). Естественно, что его работа находилась под наблюдением немецких «компетентных органов», где она проходила по разделу «Intellektuellenpropaganda».

² Обзор советских и зарубежных постановок этой пьесы см.: Gamsa 2012.

пьеса Третьякова «стала для немецких левых образцом в представлении революционного Китая и, в более широком смысле, революции в целом» (Clark 2021: 247–248), поэтому ее постановка часто оказывалась приурочена к значимым революционным датам. Так, немецкая премьера (в адаптации Лео Лания и постановке режиссера Фрица Петера Буха) прошла во Франкфурте 9 ноября 1929 года, в годовщину Ноябрьской революции в Германии, а постановка 1930 года в Кельне состоялась 1 мая на многотысячном стадионе, что превратило спектакль в революционную манифестацию³.

Незадолго до приезда Третьякова, в апреле 1930 года, театр Мейерхольда привез в Берлин свою постановку *Рычи, Китай!*, где пьеса была поставлена в ряд с такой классикой русского театра, как *Ревизор* Гоголя и *Лес* Островского. Непосредственно после показа в Германии пьеса Третьякова стала действенной моделью, на основе которой уже немецкие писатели создавали свои варианты революционных событий на китайском материале. Такова, например, пьеса *Tai Yang erwacht (Тай Янг пробуждается)* (1930) немецкого писателя-коммуниста Фридриха Вольфа (советскому зрителю он был известен прежде всего как автор пьесы *Профессор Мамлок*, по которой в 1938 году на киностудии Ленфильм был поставлен одноименный фильм).

Немецкие интеллектуалы, интересующиеся происходящим в Советском Союзе, с конца 1920-х годов внимательно следили за тем, что делает Третьяков. Так, Бертольд Брехт, который не знал русского языка, тем не менее настолько заинтересовался его пьесой *Хочу ребенка*, что на основе специально сделанного перевода подготовил свою адаптацию (Tretjakow 1930)⁴. Брехт проявлял интерес также и к теоретическим работам Третьякова — так, известно, в 1930 году, т. е. еще до личного знакомства с Третьяковым в 1931 году, которое затем перерастет в настоящую дружбу, Брехт

³ Находящиеся в Москве молодые американские искусствоведы Альфред Барр (будущий основатель нью-йоркского MoMA) и Джери Эбботт ошибались, когда после просмотра пьесы Третьякова в январе 1928 г. сделали однозначный вывод, что «спектакль не удался», так как пьеса была построена на «однобокой» и «карикатурной» пропаганде. Более тонко чувствовавший нерв времени Третьяков, в ответ на их упреки в необъективном изображении революции, заявил: «Объективность — это плохо» (Барр; Эбботт 2025: 29, 68). Очевидно, что именно пропагандистская тенденциозность этой пьесы и способствовала ее успеху: плакативность черно-белой схемы оказалась удобным инструментом воздействия на общественные настроения, причем в самых невероятных контекстах и интерпретациях — от студенческого театра элитарного Кембриджа (Nicholson 1992), театра заключенных в нацистском концлагере (очевидно, из-за своей антианглийской направленности, см.: Goldfarb 1980), до антикоммунистической (sic!) постановки на колониальном Тайване (см. статью Янь Дин-цзя в настоящем выпуске).

⁴ Оригинальный текст пьесы, вероятно, оказался в Германии благодаря Асе Лацис, прибывшей в Берлин осенью 1928 г. (см. Mierau 1976: 278). Несмотря на то, что в анонсе журнала *Die deutsche Bühne* (№ 3 от 22.2.1930) сообщалось, что вскоре пьеса должна выйти на берлинскую сцену, ее постановка в Германии (так же, как и в Советском Союзе) осталась в то время неосуществленной. Тем не менее сама идея «дискуссионного театра», лежащая в основе этой пьесы Третьякова, оказала влияние на брехтовскую концепцию дидактических пьес (Lehrstücke), которую Брехт начал развивать с 1929 г. (см.: Fore 2015: 392ff.).

просил, чтобы для него перевели статью Третьякова «Биография вещи», которая считается одним из наиболее важных текстов литературы факта (Mierau 1975: 239).

Хорошо знакомо было имя Третьякова и тем немецким писателям, которые стояли на коммунистических позициях и сами приезжали в Советский Союз. Буквально за месяц до приезда Третьякова в Берлин, в ноябре 1930 года, в Харькове с большим размахом прошла Вторая международная конференция революционных писателей, организованная Международным объединением революционных писателей (МОРП), на которой Германия была представлена такими фигурами, как Иоганнес Бехер, Эгон Эрвин Киш, Анна Зегерс и другими писателями, многие из которых стали впоследствии классиками литературы ГДР⁵. Хотя МОРП было ассоциировано с РАППом (так, в президиум МОРП входил Леопольд Авербах)⁶ — т. е. организацией, противостоящей ЛЕФу⁷ — Третьяков курировал немецких писателей, приезжающих в Москву (Гомолицкая-Третьякова 1991: 560), а позже, с 1933 года, даже являлся редактором издаваемого МОРП журнала *Иностранная литература*.

Писатель-колхозник

Предваряя доклад Третьякова в Берлине, основные положения его теоретической платформы были опубликованы в выходящем в Гааге журнале *Фронт*. Этот до сих пор остающийся малоизвестным журнал примечателен тем, что ему удалось объединить на своих страницах представителей самых разных направлений авангарда и модернизма, независимо от их идеологических позиций — от ортодоксальных советских коммунистов до «мелкобуржуазных» экспрессионистов, троцкистов, анархистов и даже фашистов⁸. Журнал *Фронт* имел широкие интернациональные контакты, в том числе и с Федерацией объединений советских писателей (ФОСП)

⁵ Материалы о деятельности МОРП (до 1930 г. эта организация носила название Международное бюро революционной литературы (МБРЛ)) можно найти в издании: *Литературное наследие* 1969. Состав участников и стенограммы выступлений на Второй международной конференции революционных писателей в Харькове опубликованы в специальном выпуске журнала *Литература мировой революции* (1931 г.).

⁶ Формально председателем МОРП являлся венгерский писатель-коммунист Бела Иллеш, находившийся в эмиграции в Советском Союзе, однако, по свидетельствам участников организации, фактическое руководство осуществлял Авербах (см.: Clark 2021: 240).

⁷ Несмотря на то, что в своей международной деятельности МОРП декларировало себя в качестве широкой литературной организации, ориентированной как непосредственно на пролетарских писателей, так и на работу с сочувствующими, направленную на «перевоспитание, ускорение процесса полевения лучшей части мелкобуржуазной интеллигенции», внутри Советского Союза МОРП сотрудничало почти исключительно с пролетарскими писателями, входящими в РАПП, за что позже было подвергнуто критике (см.: Матейка 1934: 82–83).

⁸ Это тем более удивительно, что его основательницей и единственным редактором была 18-летняя девушка — начинающая голландская поэтесса Соня Принс (Sonja Prins). Всего в 1930–1931 гг. вышло четыре номера журнала. Подробнее см.: Kleberg 2008.

(московский адрес ФОСП был даже указан в качестве одного из редакционных адресов журнала). Очевидно, через посредничество этой организации в первом же номере журнала, вышедшем в декабре 1930 года, была опубликована подборка советских авторов, включавшая в себя стихи Иосифа Уткина и Веры Инбер во французском переводе и Владимира Луговского в немецком. В этом несколько странном соседстве появилась и статья Третьякова на английском языке, озаглавленная «Report» и подписанная «S. Tretyakow, kolchoznik» (Tretyakow 1930)⁹. Таким образом, эта статья явилась первой развернутой теоретической работой, напрямую знакомящей западного читателя с теоретическими взглядами советского писателя.

Как видно уже из названия статьи в голландском журнале и последовавшего за ней берлинского доклада, Третьяков строит их не как перечисление абстрактных теоретических положений, а в форме отчета или путевых заметок о своих поездках в деревню. Действительно, начиная с июля 1928 года Третьяков регулярно ездит в колхозы, вернее в один определенный колхоз — коммуну «Коммунистический маяк»¹⁰, расположенную в Терском крае на границе с Северным Кавказом¹¹. Это было время, когда *Новый ЛЕФ* испытывал все более острый кризис под влиянием, с одной стороны, внешней критики — прежде всего нападков РАППа, а с другой — внутренних противоречий, приведших к выходу из группы Маяковского. В этой ситуации как нельзя кстати оказался призыв «Писатели, в колхозы!», который раздался в связи с начавшейся коллективизацией. Третьяков, биография и творческий стиль которого были тесно связаны с поездками в далекие регионы и экзотическими культурами, сразу же на него откликнулся. С очерка «На колхозы» (Третьяков 1928) начинается «колхозный период» творчества писателя, включающий в себя многочисленные статьи и выступления, обобщенные затем в книгах *Вызов* (Третьяков 1930), *Месяц в деревне* (Третьяков 1931) и *Тысяча и один трудодень* (Третьяков 1934), а также их адаптированных переводах на немецкий (Tretjakow 1931; Tretjakow 1935).

В ходе этих поездок теоретическая концепция Третьякова постоянно эволюционирует. При этом примечательно, что одним из важных этапов развития его взглядов на литературу и роль писателя в современных усло-

⁹ Текст статьи воспроизводит очерк Третьякова «Писатель-колхозник. Рапорт», впервые опубликованный в *Литературной газете* (Третьяков 1930а: 2) и затем в несколько расширенном виде под названием «Рапорт писателя-колхозника» вошедший в книгу *Месяц в деревне* (Третьяков 1931), а также в предисловие к немецкому изданию книги *Feld-Herren* (Tretjakow 1931).

¹⁰ Эта коммуна была организована уже в 1920 г. задолго до начала широкой коллективизации и являлась образцово-показательным хозяйством, призванным продемонстрировать преимущества колхозной системы. В ходе коллективизации конца 1920-х годов она стала организационным центром для ряда других колхозов, объединенных в так называемый комбинат «Вызов».

¹¹ Ныне административно относится к Ставропольскому краю. Ближайшим центром к колхозу был город Георгиевск — место заключения «Георгиевского трактата» (1783 г.), по которому Восточная Грузия становилась протекторатом Российской империи.

виях явилась не очередная поездка в советскую социалистическую деревню, а перемещение в противоположном направлении — в капиталистическую метрополию Берлин. Здесь Третьякову предстояло изложить свою позицию не в привычной обстановке межгрупповых перепалок на «общей кухне» советских писателей с их демагогическими лозунгами и прямолинейной агиткой, а представить свои взгляды на суд изысканной интеллектуальной публики. Это требовало тщательного осмысления и логической аргументации.

Берлинский доклад

Рассмотрим основные положения берлинского доклада Третьякова, опираясь на публикацию его текста в журнале *Das Neue Rußland*, органе Общества друзей новой России (Tretjakoff 1931). Хотя между самим докладом в январе 1931 года и публикацией его текста в марте прошло несколько месяцев, мы будем исходить из того, что оба варианта в общем и целом совпадают, возможно, лишь за исключением отдельных дополнений и некоторых стилистических изменений, естественно возникающих при передаче устного выступления в письменной форме.

Прежде всего, отметим, что без откровенной агитации не обошлось и здесь¹². Большую часть доклада занимает описание прелестей колхозного строительства, заражающее слушателей пионерским духом покорения нового и открывающее перед ними картины романтических идиллий¹³. Для немецких слушателей, не знакомых с реалиями советской жизни, Третьяков подробно останавливается на принципах организации колхозов и совхозов, расписывает их преимущества и приводит множество цифр — сколько задействовано тракторов, какая продуктивность достигнута, а также подробно перечисляет колхозную специализацию — свиноводство, разведение кур и кроликов, молочное хозяйство и т. д. Не забывает он также упомянуть и классовую борьбу вокруг образования колхозов, описанную в соответствии с официальным канонам как противостояние небольшой группы злых кулаков массе трудящихся крестьян, все более проникающихся идеей колхозного строительства. Подкрепляя свои положения, Третьяков приводит цифры официальной статистики, свидетельствующие о неизменном увеличении процента организованных в колхозы крестьян-

¹² Не нужно забывать, что главная цель командировки Третьякова за границу состояла не сколько в ведении абстрактных литературоведческих дискуссий, сколько в прямой пропаганде. Находясь «среди своих», Третьяков мог сказать это открытым текстом — так, в своем докладе перед советскими писателями в июне 1931 г., сделанном по следам поездки в Европу, Третьяков уподобил пропаганду во время своих выступлений наставленному в лицо пистолету («прямо наставляя в лоб дуло») (см. Третьяков 2010: 210).

¹³ Для большей наглядности публикация доклада в журнале *Das neue Rußland* сопровождалась экспрессивным визуальным рядом — см., например, фотографию крестьянского младенца в идеально чистом рюшевом чепчике, мирно спящего на хлебной ниве, выполненную в лучших традициях рекламного китча (Tretjakoff 1931: 46).

ских хозяйств и большом интересе к колхозам, который заметен даже среди иностранцев — например, упоминается некий «профессор Аухаген» (Tretjakoff 1931: 46), который посетил колхоз и оставил там в книге гостей приветственную запись¹⁴.

В своем выступлении Третьяков показывает себя и как человек, хорошо разбирающийся в требованиях политического момента. Он не забывает упомянуть о перегибах колхозного строительства, отсылающих к известной статье Сталина «Головокружение от успехов», вышедшей в марте 1930 года (Сталин 1930). Также несколько неожиданно Третьяков делает реверанс в сторону РАППа и затрагивает тему так называемой литературы ударников, т. е. рабочих — передовиков производства, осваивающих литературное творчество. Хотя положение о необходимости обращения профессионального писателя к производительному труду являлось одной из идей ЛЕФа, унаследованной им от производственников начала 1920-х годов, пропаганда обратного движения — от рабочего к писателю — представителями ЛЕФа не акцентировалась (по крайней мере, тема литературы, созданной передовиками производства, в публикациях ЛЕФа своего отражения не нашла). Однако в своем берлинском выступлении Третьяков делает акцент на литературе ударников и приводит ряд конкретных примеров литературных текстов, созданных передовиками производства (среди прочего, особо отмечена повесть Николая Михайлова *В боях за металл* — Михайлов 1930)¹⁵. Таким образом, он несколько неожиданно присоединя-

¹⁴ Здесь перед нами конкретный пример инструментального отношения к факту, свойственного Третьякову и советской пропаганде вообще. Профессор Отто Аухаген, которого, очевидно, имеет в виду Третьяков, с 1927 по 1930 г. являлся атташе по вопросам сельского хозяйства при посольстве Германии в Москве и выезжал в колхозы в связи с конфликтами, которые возникали у немецких поселенцев, в основном членов протестантских религиозных общин, в процессе коллективизации. В 1929 г. при его посредничестве удалось получить разрешение на выезд из СССР нескольких тысяч немецких крестьян-менонитов, которые противились коллективизации.

Готовясь к поездке по Германии и тематизируя колхозное строительство в СССР, Третьяков не мог не знать о разгоревшейся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в немецкой прессе дискуссии, касающейся тяжелого положения и массовых протестов представителей немецкого меньшинства в СССР в годы коллективизации. Сообщения об этом отвергались левой немецкой прессой как «происки кулаков» и инструмент антисоветской пропаганды (см., например: *Rote Fahne* 1929: 3). В этом медийном противостоянии профессор Аухаген сыграл важную роль, открыто заявив о страданиях русских немцев во время коллективизации и явившись одним из первых людей на Западе, написавших о массовом голоде (Auhagen 1932). В этом контексте упомянутое Третьяковым приветствие в книге гостей колхоза не выглядит как случайное — скорее, оно похоже на намеренный «вброс», заставляющий берлинскую публику усомниться в искренности антиколхозной позиции профессора. О положении советских немцев в СССР в период коллективизации и связанной с этим дискуссии в германской прессе см.: Кастил 2014.

¹⁵ О «преображении» рабочего листопрокатного цеха Николая Михайлова в писателя, наглядно иллюстрирующем специфику той эпохи, см. рецензию-интервью в *Литературной газете*: Ромов 1930: 2 (используемое в рецензии название повести несколько отличается от ее же названия, указанного при издании книги). Хотя эта повесть Н. Михайлова сейчас настолько забыта, что представляло немалые трудности найти хотя бы ее выходные данные, ее автор сделал стремительную карьеру, всегда вовремя «колеблясь вме-

ется к компании РАППа, выдвинувшего в 1930 году лозунг «ударники — в литературу» (см. Боровой 1930)¹⁶. Не нужно забывать, что в начале 1930-х годов участники ЛЕФа, хотя и приостановившего свою деятельность, находились под сильным идеологическим нажимом, который вот-вот грозил перейти в репрессивные меры. Третьяков должен был отдавать себе отчет, что его публичные выступления за границей привлекали внимание «литературоведов в штатском» возможно в еще большей степени, чем в московской аудитории¹⁷.

Все эти ряды цифр, статистических данных и советских литературных реалий в докладе Третьякова были умело разбавлены иногда драматическими, иногда веселыми эпизодами из колхозной жизни и даже литературным озорством — например, переложением гейневской «Лорелеи» на колхозные мотивы¹⁸ (Tretjakoff 1931: 50).

Надо сказать, что живописание полной приключений жизни в колхозе возымело свое действие, в основном на молодую левую публику. Видный немецкий писатель-экспрессионист Готфрид Бенн, говоря об «изошренном и полемически захватывающем» докладе Третьякова, который слушал «весь литературный Берлин», с негодованием отмечает, что «немецкая литература сидела у ног Третьякова, восхищенно и с энтузиазмом аплодируя ему» (Benn 1987: 330–331)¹⁹. Так, начинающий голландский писатель Нико Рост,

сте с линией партии» — от активного борца с космополитами и руководителя Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС при позднем Сталине до министра культуры в период оттепели (Шилов 2021).

¹⁶ О значении, которое придавалось этому движению, и его размахе говорит тот факт, что к марту 1931 г., на момент публикации доклада Третьякова в журнале *Das Neue Rußland*, только в Москве было зарегистрировано около 1500 ударников-литераторов (см. Borland 1950: 57).

¹⁷ См., например, замечание Лили Брик о докладе Осипа Брика во время их пребывания в Берлине: «Выступление в Берлине прошло с успехом, но у рапповцев в Москве оно вызвало сомнение по поводу правочности Осипа» (цит. по: Янгфельдт 2009: 529). См. также свидетельство В. Катаняна: «По поводу выступления Осипа Максимовича в Берлине шли в Москве из рапповских источников какие-то слухи — то ли он говорил, что надо?» (см. Янгфельдт 1991: 270). Доклад О. Брика «Die neueste Literatur im sozialistischen Aufbau der Sowjetunion» (Новейшая литература в социалистическом строительстве СССР) состоялся 25 марта 1930 г. в той же гостинице «Русский двор» (там находилось бюро Общества друзей новой России), что и доклад Третьякова. По донесениям представителя ВОКС в Москву, выступление Брика сопровождалось ожесточенной дискуссией, в частности, ему энергично возражал писатель Бела Иллеш (в то время секретарь РАППа).

¹⁸ Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, / daß ich so lustig bin. / Ich setze mich auf den Traktor / und fahre die Steppe dahin (В вольном переводе это будет звучать примерно так: Не знаю что случилось со мною, / но радость вселилась в меня. / Сажусь на колхозный я трактор / и еду в степные края).

¹⁹ Сам Бенн воспринял доклад Третьякова резко негативно, охарактеризовав советского гостя как «по своей внешности и манере изложения тип литературного чекиста, который допрашивает, снимает показания, осуждает и наказывает всех инакомыслящих в России» (Там же: 330). Бенн был не одинок в такой резкой оценке. Так, американский журналист и писатель Макс Истмен, живший в 1920-е гг. в Советском Союзе, в своей книге под характерным названием *Артисты в униформе* (Eastman 1934) изображает Третьякова как одного из воинствующих советских функционеров. Подчеркнуто радикально-левацкий стиль, изобиловавший агрессивными метафорами, который был характерен для

присутствовавший на докладе, пишет в своих воспоминаниях, что Третьяков «закончил свою речь призывом к многочисленным молодым писателям, которые были среди его слушателей, поехать в Советский Союз, чтобы пройти там, особенно в сельской местности, обучение по какой-либо части сельскохозяйственного дела, например, ознакомиться с молочным животноводством, свиноводством, овцеводством или пчеловодством» (Rost 1964: 304). Рост был настолько вдохновлен этой идеей, что уже на следующее утро посетил Третьякова в гостинице и расспросил его о возможности поехать в Советскую Россию, где он хотел получить квалификацию пчеловода²⁰.

Перелицовка факта

Наиболее важную часть выступления Третьякова представляло собой теоретическое введение, в котором он поделился своими взглядами на литературу и место писателя в современном обществе. Рассмотрим его основные положения.

Третьяков начинает с атаки на классиков. Расценивая литературу как «оружие в руках класса», он считает ее задачей «не только фиксировать действительность, но и изменять ее в ходе классово-борьбы» (Tretjakoff 1931: 39)²¹. Эта задача предъявляет определенные требования к методам и жанрам современной литературы — писатель более не может себе позволить годами работать над одним произведением, создавая полотна эпической широты. Кроме того, Третьяков подвергает критике буржуазную литературу, которой свойственен, как он пишет, «подчеркнутый интерес к биологической и эмоциональной жизни героя в ущерб ее социальной и интеллектуальной стороне» (Там же: 40). Таким образом, претензии к «буржуазно-помещичьей» классике в общем повторяют основные положения лефовской критики, представленной, например, в статье Третьякова «Новый Лев Толстой» (Третьяков 1927). Что касается классикоборчества, нельзя забывать и о футуристическом бэкграунде некоторых членов ЛЕФа, у которых старое требование «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности» обросло на новом этапе марксистской фразеологией.

В принципе, повторением лефовской программы является и следующий пункт выступления Третьякова, касающийся отношения к факту. Однако форма доклада перед аудиторией, не знакомой с долгими дискуссия-

Третьякова (как и для других представителей ЛЕФа), мог вести к ошибочному восприятию его как представителя карательных структур, реально вершащих расправу над неугодными писателями.

²⁰ Рост не без иронии замечает, что его интерес к пчеловодству носил полностью идеалистический характер и развился после прочтения пьесы Метерлинка *Жизнь пчел*. Излишне говорить, что из этой затеи ничего не вышло.

²¹ К настоящему моменту текст берлинского доклада Третьякова переведен на русский язык лишь частично, см.: Ушакин 2016. В данной статье цитаты из доклада даются по немецкому оригиналу (Tretjakoff 1931). Перевод мой — В. Г.

ми о факте, ведущимися на страницах *ЛЕФа* и других советских изданий, потребовала краткой и освобожденной от советского новояза формы изложения, поэтому берлинский доклад представляет собой, вероятно, наиболее ясно выраженное резюме позиции Третьякова как фактовика. Он сводит ее к трем пунктам:

Первое — это выбор объекта, исследование фактов в их специфике и конкретных проявлениях.

Второе — необходима публицистическая обработка найденного фактического материала и перелицовка фактов в агитационно-действенную форму, а также исследование факта на его общественный интерес и значение.

Наконец, третьим пунктом является использование основанной на фактах литературной продукции в практике социалистического преобразования действительности (Tretjakoff 1931: 40–41).

Таким образом, Третьяков недвусмысленно заявляет, что при подобном подходе факты становятся сначала объектом селекции — при которой, очевидно, отбираются только факты, соответствующие целям классовой борьбы²², а затем «перелицовки»²³ (читай — манипуляции) с целью сделать их инструментом агитации. Далее созданное с помощью таких препарированных фактов произведение становится орудием «социалистического преобразования действительности»²⁴.

Оперативность

Однако наиболее значимым пунктом теоретической программы Третьякова, представленным в берлинском докладе, явилась концепция «оперативного писателя». Выше уже упоминалось его утверждение о том, что

²² См. характерный пассаж Третьякова, критикующего неселективное отображение «бесстрастных фактов»: «Для нас, фактовиков, не может быть фактов “как таковых”. Есть факт — эффект и факт — дефект. Факт, усиливающий наши социалистические позиции, и факт, их ослабляющий. Факт — друг и факт — враг» (Третьяков 1928а: 4).

²³ В немецком оригинале Третьяков использует здесь выражение «Umkleidung der Tatsache», т. е. «переодевание факта».

²⁴ Девин Фор в своей, в целом, вдумчивой и содержательной статье проводит различие между «документальностью в традиционном понимании» и «советским фактографическим авангардом». Для него фактография Третьякова — это не индифферентная регистрация фактов, свойственная документалистике, а «интервенционистская практика», активно трансформирующая действительность (Foge 2006: 3–4). Обосновывая правомерность такого подхода к факту, Фор ссылается на этимологию этого слова от латинского глагола «*facere*», т. е. «делать» (там же: 5; см. также: Фор 2016: 185). Однако здесь нужно заметить, что эта этимология восходит не к инфинитиву глагола, а к его перфективной форме «*factum*». Таким образом, факт в принятом понимании этого слова — это не «делаемое», а «сделанное», т. е. нечто законченное, предустановленная данность. «Интервенционистская практика» в отношении факта скорее отсылает к другим глаголам со значением деятельности — фабриковать, манипулировать и т. д., с которыми связаны совсем иные коннотации. Вопреки заявлениям фактовиков о том, что подача «фактов» помогает социалистическому строительству, советская власть ничего не боялась больше, чем именно простых не препарированных фактов — достаточно вспомнить о судьбе советской статистики.

литература должна фиксировать действительность и изменять ее в ходе классовой борьбы. Однако концепция оперативного писателя требует большего — писатель не только должен опосредованно изменять действительность через свои произведения, но и сам непосредственно участвовать в этих преобразованиях, т. е. фактически выйти за рамки искусства в реальную жизнь.

Отмечая, что до своих поездок в колхоз у него не было «органической, личной связи с материалом» и он оставался лишь наблюдателем, человеком за письменным столом, Третьяков дает определение понятию «оперативность»: «Оперативными связями я называю участие в жизни самого материала» и далее поясняет: «Грубо говоря: выдумать нечто важное — это беллетристический новеллизм; найти нечто важное — это репортаж; выстроить (Aufbauen) нечто важное — это оперативизм» (Tretjakoff 1931: 42). Третьяков подчеркивает, что он сам сделал практические выводы из этих теоретических положений: с начала 1930 года он стал постоянным членом правления колхоза и, как он пишет, «колхоз — моя литературная тема — стал местом моей общественной деятельности», где он трудится «плечом к плечу со своими героями» (там же: 43).

Сама идея сближения искусства с производством была не нова — она восходит, среди прочего, к более ранним работам теоретиков производственного искусства, конструктивизма и немецкого Баухауса. Однако их работы касались в основном изобразительных искусств, промышленного дизайна и архитектуры, т. е. тех областей искусства, которые так или иначе связаны с производством реальных объектов. Распространяя эту концепцию на литературу, имеющую дело со словами, т. е. символическими сущностями, Третьяков отрывает писателя не только от письменного стола, но и выталкивает его за границы искусства в традиционном понимании этого слова, предполагающего разделение между сферой объектов и сферой их символических репрезентаций²⁵.

Эта позиция была намечена Третьяковым уже в левовский период — она ясно прослеживается, например, в его заявлениях о недостаточности

²⁵ Именно этот пункт программы Третьякова вызвал наиболее резкую критику немецкого поэта-экспрессиониста и литературного критика Готфрида Бенна. Обращаясь к мысли Третьякова о том, что «писатель как профессия более не существует, он вместе с другими трудится на заводе, участвует в социальном строительстве», Бенн постулирует: «Тот, кто хочет организовать жизнь, никогда не будет заниматься искусством, ему непозволительно себя к нему причислять. Исходя из позиции художника, заниматься искусством <...> значит исключать жизнь, ограничивать ее и даже с ней бороться, чтобы ее стилизовать» (Benn 1987: 334). Критику искусства со стороны Третьякова и его подчеркнутый антиэстетизм Бенн рассматривает в рамках широкой исторической традиции, простирающейся от Платона до Толстого (там же). Эта мысль Бенна любопытным образом перекликается с характеристикой Третьякова, оставленной Б. Пастернаком в его воспоминаниях о ЛЕФе: «Единственным последовательным и честным в этом кружке отрицателей был Сергей Третьяков, доводивший свое отрицание до естественного вывода. Вместе с Платоном Третьяков полагал, что искусству нет места в молодом социалистическом государстве» (Пастернак 1967: 230).

литературных описаний, сделанных с точки зрения внешнего наблюдателя (по Третьякову — «потребителя»), а также в обращенных к писателям требованиях видеть вещи «производственными глазами» (Третьяков 1928b: 20) и досконально знать производственные процессы, т. е., по сути, овладеть дополнительной профессионализацией.

В то же время Третьяков вводит и понятие «депрофессионализация», заявляя: «Мы не думаем, что уметь писать должно быть сосредоточено в небольшой группе литспецов» (Третьяков 1928a: 3)²⁶. Депрофессионализацию можно понимать как встречное движение масс, при котором литературу создают не профессиональные писатели, а «трудящиеся социализма, оснащенные литературным умением»: «Во вторжении ударников (членов ударных бригад) в литературу и включении профессиональных писателей в работу по строительству [социализма] видится знак времени» (Tretjakoff 1931: 42). С точки зрения Третьякова, пришло время «сломать вредное сопротивление литературной касты» (Третьяков 1928a: 2) и подключить к литературному труду «людей любого ремесла». Однако в качестве конкретного примера такого рода расширения цеховой ограниченности писательского труда в лефовской статье 1928 года Третьяков приводит «врачей, путешественников, политиков, техников» (там же: 3).

Как видим, в таком понимании это требование еще не содержит в себе ничего слишком радикального — представители этих профессий, предполагающих высокий уровень образования и соответствующий уровень владения языком, и раньше нередко успешно выступали в качестве писателей. В берлинском же докладе идея депрофессионализации связывается с движением рабочих-ударников и доводится до своего предела: писатели уравниваются с работниками производства в их совместном труде — труде как производственном, так и литературном. Писатели трудятся «плечом к плечу» с рабочими-ударниками, а ударники заменяют писателей. Таким образом, писатели фактически утрачивают свой *raison d'être* — они не только десакрализируются как «творцы», но и «депрофессионализируются» даже как мастера-ремесленники, так как их теперь может заменить любой ударник²⁷.

²⁶ Впервые термин «депрофессионализация» появляется у Третьякова в статье «Продолжение следует» в заключительном номере *Нового ЛЕФа*, где он призывает писателей оставить «узкий профессиональный специализм» (Третьяков 1928a: 2). Третьяков пытается также вынести это понятие за пределы лефовской аудитории, но, по всей видимости, находит в этом мало отклика среди писателей, не согласных с такой программой «самоликвидации» писательского сословия. Так, раздел хроники того же номера журнала сообщает, что 25 января 1929 г. «на Гослиткурсах С. Третьяков сделал доклад “Литература вне литературы”, посвященный вопросу депрофессионализации писателя, новым методам коллективной работы, созданию литературных артелей и т. д. Доклад сильно возбудил аудиторию, большая часть которой натаскана своими руководителями на точку зрения “свободы” творчества, обязательности художественной беллетристики, “вдохновения” творца» (С. 44).

²⁷ Этот отказ писательскому сословию в особенности и объявление равенства писателя и пролетария вполне объяснимы психологически на фоне постоянных нападок на членов ЛЕФа за их «мелкобуржуазность» и желания мимикрировать под социалистическую

Понятие «оперативность» («Operativismus») оказывается тесно связанным с берлинским докладом Третьякова в еще одном отношении. По всей видимости, оно было впервые использовано им в такой эксплицитной форме именно в этом докладе (Tretjakoff 1931: 42). Хотя в статье «Писатель — колхозник. Рапорт» в *Литературной газете* в сентябре 1930 года Третьяков также останавливается подробно на своей работе в колхозе и подчеркивает необходимость активного участия писателей в производственных процессах, которые они описывают (Третьяков 1930а: 2–3), упоминание оперативности там дано лишь вскользь и не содержит практически никаких пояснений. Это же касается и английского варианта этой статьи, опубликованной в декабре 1930 года в журнале *Фронт* (Tretjakov 1930). А уже в январе 1931 года развернутое определение оперативности можно зафиксировать в берлинском докладе.

Важно отметить, что в ходе поездки Третьякова в Германию само содержание термина «оперативный» подверглось существенному переосмыслению, что произошло, очевидно, не без влияния немецкого языка. В русском языке значение слова «оперативный» связано прежде всего с быстротой и эффективностью действий в постоянно изменяющейся обстановке. Именно так оно используется Третьяковым в написанной за несколько месяцев до берлинского доклада статье «Писатель — колхозник. Рапорт», когда, говоря об оперативных очерках, он отмечает, что «они не просто перечисляют совершающиеся факты, они видят эти факты в их развитии и требуют немедленного вмешательства в совершающиеся события» (Третьяков 1930а: 3)²⁸. В немецком же языке, где еще чувствуется этимологическая связь этого слова с латинским «operare» (работать, действовать), выражение «operativer Schriftsteller» (оперативный писатель) воспринимается однозначно как «действующий, производящий», а латинизированная форма придает ему научно-терминологический характер. Именно так понял его Вальтер Беньямин, который, используя положения берлинского доклада Третьякова, в свою очередь в своем парижском докладе 1934 года переводит его как «Produzent», т. е. «производитель» (Беньямин 2010; см. также: Gough 2002).

Таким образом, берлинский доклад Третьякова оказался важным событием не только для интеллектуальных кругов Германии, вызвавшим там живое и продолжительное эхо. Парадоксальным образом именно пребывание в Европе дало самому Третьякову возможность яснее сформулировать

литературу. Однако в ретроспективе такая стратегия оказалась ошибочной. Выпускник юридического университета Московского университета Третьяков так и остался для власти классово чуждым, а его утверждения о заменимости писателей явно не повышали его шансы на выживание в ходе сталинских чисток.

²⁸ Отметим, что используемое в этой связи Третьяковым выражение «очеркист-оперативник» звучит по-русски не вполне понятно и даже двусмысленно. Такое словоупотребление невольно ассоциируется со словами «оперативник» или «опер», представляющими собой сокращенную форму слова «оперуполномоченный», которое в 1920–1930-е гг. обозначало должность в системе ВЧК–ГПУ–НКВД и было повсеместно на слуху.

и развить свои идеи «колхозного периода». Дистанцирование от колхоза, места действия его очерков, выход в другую культурную и даже языковую реальность явились тем толчком, который позволил выкристаллизоваться некоторым уже имевшимся, но еще не вполне сформулированным мыслям и придать им лаконичную и законченную форму.

ЛИТЕРАТУРА

- Барр Альфред, Эбботт Джери. *Русский дневник. 1927–1928*. Москва: Ад Маргинем, 2025.
- Беньямин Вальтер. «Автор как производитель». *Логос* 4 (77) (2010): 122–142.
- Боровой Натан. «Ударники в литературу». *Смена* 29–30 (1930): 27.
- Гомолицкая-Третьякова Татьяна. «О моем отце». *Сергей Третьяков. Страна-перекресток*. Москва: Советский писатель, 1991: 554–563.
- Дернберг Стефан и др. (ред.). *Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: документы и материалы*. Ч. 1. 1922–1924 гг. Москва: Политиздат, 1977.
- Кастил Джеймс. «Русские немцы и немецкое национальное воображение в межвоенный период». *Новое литературное обозрение* 3 (127) (2014): 235–271.
- Литературное наследие. Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРИП)*. Т. 81. Москва: Наука, 1969.
- Матейка Янош. «Международное объединение революционных писателей». *Литературная энциклопедия: В 11 т.* Т. 7. Москва: Советская энциклопедия, 1934: 82–92.
- Михайлов Николай. *В боях за металл*. Москва: Изд-во ВЦСПС, 1930.
- Пастернак Борис. «Люди и положения». *Новый мир* 1 (1967): 204–236.
- Ромов Сергей. «Встречи с Ник. Михайловым — автором повести «Борьба за металл»». *Литературная газета* 44 (81). 29 сентября 1930 г.
- Сталин Иосиф. «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». *Правда* 60. 2 марта 1930 г.
- Третьяков Сергей. «Новый Лев Толстой». *Новый ЛЕФ* 1 (1927): 34–38.
- Третьяков Сергей. «На колхозы». *Новый ЛЕФ* 11 (1928): 8–14.
- Третьяков Сергей. «Продолжение следует». *Новый ЛЕФ* 12 (1928а): 1–4.
- Третьяков Сергей. «Сквозь непротертые очки». *Новый ЛЕФ* 9 (1928b): 20–24.
- Третьяков Сергей. *Вызов. Колхозные очерки*. Москва: Федерация, 1930.
- Третьяков Сергей. «Писатель — колхозник. Рапорт». *Литературная газета* 40 (77) (сентябрь 1930а): 2–3.
- Третьяков Сергей. *Месяц в деревне (июнь-июль 1930 г.). Оперативные очерки*. Москва: Федерация, 1931.
- Третьяков Сергей. *Тысяча и один трудодень: колхозные очерки*. Москва: Советская литература, 1934.
- Третьяков Сергей. «О звуковом кино в буржуазных странах». Ратиани Ирина (ред.). *Сергей Михайлович Третьяков. Кинематографическое наследие*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010: 195–211.
- Третьяков Сергей. «Писатель и социалистическая деревня». Ушакин Сергей (ред.). *Формальный метод: Антология русского модернизма*. Т. II. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016: 359–364.
- Фор Девин. «Сергей Третьяков: факт». Ушакин Сергей (ред.). *Формальный метод: Антология русского модернизма*. Т. II. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016: 183–198.
- Шилов Денис. «Н. А. Михайлов — министр культуры СССР эпохи оттепели (биографический очерк)». *Вестник культуры и искусств* 1 (65) (2021): 72–85.
- Янгфельдт Бенгт. *Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930*. Москва: Книга, 1991.
- Янгфельдт Бенгт. *Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг*. Москва: КоЛибри, 2009.

- Auhagen Otto. „Wirtschaftslage der Sowjetunion im Sommer 1932“. *Osteuropa* 7 (1932): 644–655.
- Benn Gottfried. „Die neue literarische Saison“. *Sämtliche Werke* Bd. 3. Stuttgart: Klett-Cotta, 1987: 327–337.
- Borland Harriet. *Soviet Literary Theory and Practice during the First Five-Year Plan, 1928–32*. New-York: Columbia University Press, 1950.
- Clark Katerina. *Eurasia without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2021.
- Eastman Max. *Artists in Uniform: a Study of Literature and Bureaucratism*. London: George Allen, 1934.
- Fore Devin. „Introduction“. *October* 118 (2006): 3–10.
- Fore Devin. „Die Emergenz der sowjetischen Faktografie“. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte* 89 (3) (2015): 376–403.
- Gamsa Mark. „Sergei Tretʹjakov’s Roar, China! between Moscow and China“. *Itinerario* 36 (2) (2012): 91–108.
- Goldfarb Alvin. „Roar China in a Nazi Concentration Camp“. *Theatre Survey* 21 (1980): 184–185.
- Gough Maria. „Paris, Capital of the Soviet Avant-Garde“. *October* 101 (2002): 53–83.
- Kleberg Lars. „About FRONT: The Short History of an International Avant-Garde Journal (1930–1931)“. Bird Robert, Fleishman Lazar, Poljakov Fedor (Eds.) *Sankirtos: Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture in Honor of Tomas Venclova*. Frankfurt am Main: Lang, 2008: 218–236.
- Mierau Fritz. „Sergej Tretʹjakov und Bertold Brecht“. *Zeitschrift für Slawistik* 20 (1975): 226–241.
- Mierau Fritz. *Erfindung und Korrektur: Tretjakows Ästhetik der Operativität*. Berlin: Akademie-Verlag, 1976.
- Nicholson Steve. „Censoring Revolution: the Lord Chamberlain and the Soviet Union“. *New Theatre Quarterly* 8 (32) (1992): 309.
- Rost Nico. „Mijn ontmoetingen met Gottfried Benn“. *De Nieuwe Stem* 5 (1964): 291–316.
- Rote Fahne. „Den Kulaken wird der Boden zu heiß. 10.000 deutsche Kulaken wollen emwandern — ein neues «Argument» für Antisowjethetze“. 9 November 1929. S. 3.
- Tretjakow Sergej. *Ich will ein Kind haben (Die Pionierin)*. In der autorisierten Übersetzung von Ernst Hube. Bearbeitet von Bert Brecht. Als Manuskript vervielfältigt im Max Reichard Verlag. Freiburg i. Br. o. J. (um 1930).
- Tretjakoff Sergej. „Der Schriftsteller und das sozialistische Dorf“. *Das neue Rußland* 7 (2) (1931): 39–52.
- Tretjakow Sergej. *Feld-Herren. Der Kampf um eine Kollektiv-Wirtschaft*. Berlin: Malik Verlag, 1931.
- Tretjakow Sergej. *Tausendundein Arbeitstag*. Zürich: Ring Verlag, 1935.
- Tretjakov Sergey „Report“. *Front* 1 (1930): 45–52.

REFERENCES

- Auhagen Otto. „Wirtschaftslage der Sowjetunion im Sommer 1932“. *Osteuropa* 7 (1932): 644–655.
- Barr Alʹfred, Ebbott Dzheri. *Russkij dnevnik. 1927–1928*. Moskva: Ad Marginem, 2025.
- Benn Gottfried. „Die neue literarische Saison“. *Sämtliche Werke* Bd. 3. Stuttgart: Klett-Cotta, 1987: 327–337.
- Benʹyamin Valʹter. „Aytor kak proizvoditel“. *Logos* 4 (77) (2010): 122–142.
- Borland Harriet. *Soviet Literary Theory and Practice during the First Five-Year Plan, 1928–32*. New-York: Columbia University Press, 1950.
- Borovoj Natan. „Udarniki v literaturu“. *Smena* 29–30 (1930): 27.
- Clark Katerina. *Eurasia without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2021.
- Dernberg Stefan i dr. (red.). *Sovetsko-germanskie otnosheniya 1922–1925 gg.: dokumenty i materialy*. Ch. 1. 1922–1924 gg. Moskva: Politizdat, 1977.

- Eastman Max. *Artists in Uniform: a Study of Literature and Bureaucratism*. London: George Allen, 1934.
- For Devin. „Sergej Tret'jakov: fakt“. Ushakin Sergej (red.). *Formal'nyj metod: Antologiya russkogo modernizma*. T. II. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2016: 183–198.
- Fore Devin. „Introduction“. *October* 118 (2006): 3–10.
- Fore Devin. „Die Emergenz der sowjetischen Faktografie“. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte* 89 (3) (2015): 376–403.
- Gamsa Mark. „Sergei Tret'jakov's Roar, China! between Moscow and China“. *Itinerario* 36 (2) (2012): 91–108.
- Goldfarb Alvin. „Roar China in a Nazi Concentration Camp“. *Theatre Survey* 21 (1980): 184–185.
- Gomolickaya-Tret'yakova Tat'yana. „O moem otce“. Sergej Tret'yakov. *Strana-perekrestok*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991: 554–563.
- Gough Maria. „Paris, Capital of the Soviet Avant-Garde“. *October* 101 (2002): 53–83.
- Kastil Dzhjejms. „Russkie nemcy i nemeckoe nacional'noe voobrazhenie v mezhoennyj period“. *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (127) (2014): 235–271.
- Kleberg Lars. „About FRONT: The Short History of an International Avant-Garde Journal (1930–1931)“. Bird Robert, Fleishman Lazar, Poljakov Fedor (Eds.) *Sankirtos: Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture in Honor of Tomas Venclova*. Frankfurt am Main: Lang, 2008: 218–236.
- Literaturnoe nasledstvo. Iz istorii Mezhdunarodnogo ob'edineniya revolyucionnyh pisatelej (MORP). T. 81. Moskva: Nauka, 1969.
- Matejka Yanosh. „Mezhdunarodnoe ob'edinenie revolyucionnyh pisatelej“. *Literaturnaya enciklopediya*. V 11 t. T. 7. Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1934: 82–92.
- Mierau Fritz. „Sergej Tret'jakov und Bertold Brecht“. *Zeitschrift für Slavistik* 20 (1975): 226–241.
- Mierau Fritz. *Erfindung und Korrektur: Tretjakows Ästhetik der Operativität*. Berlin: Akademie-Verlag, 1976.
- Mihajlov Nikolaj. *V boyah za metall*. Moskva: Izd-vo VCSPS, 1930.
- Nicholson Steve. „Censoring Revolution: the Lord Chamberlain and the Soviet Union“. *New Theatre Quarterly* 8 (32) (1992): 309.
- Pasternak Boris. „Lyudi i polozheniya“. *Novyj mir* 1 (1967): 204–236.
- Romov Sergej. „Vstrechi s Nik. Mihajlovym — avtorom povesti «Bor'ba za metall»“. *Literaturnaya gazeta* 44 (81). 29 sentyabrya 1930 g.
- Rost Nico. „Mijn ontmoetingen met Gottfried Benn“. *De Nieuwe Stem* 5 (1964): 291–316.
- Rote Fahne. „Den Kulaken wird der Boden zu heiß. 10.000 deutsche Kulaken wollen auswandern — ein neues «Argument» für Antisowjethetze“. 9 November 1929. S. 3.
- Shilov Denis. „N. A. Mihajlov — ministr kul'tury SSSR epohi otpepli (biograficheskij ocherk)“. *Vestnik kul'tury i iskusstv* 1 (65) (2021): 72–85.
- Stalin Iosif. „Golovokruzhenie ot uspekhev. K voprosam kolhoznogo dvizheniya“. *Pravda* 60. 2 marta 1930 g.
- Tretjakov Sergej. *Ich will ein Kind haben (Die Pionierin)*. In der autorisierten Übersetzung von Ernst Hube. Bearbeitet von Bert Brecht. Als Manuskript vervielfältigt im Max Reichard Verlag. Freiburg i. Br. o. J. (um 1930).
- Tretjakoff Sergej. „Der Schriftsteller und das sozialistische Dorf“. *Das neue Rußland* 7 (2) (1931): 39–52.
- Tretjakov Sergej. *Feld-Herren. Der Kampf um eine Kollektiv-Wirtschaft*. Berlin: Malik Verlag, 1931.
- Tretjakov Sergej. *Tausendundein Arbeitstag*. Zürich: Ring Verlag, 1935.
- Tret'yakov Sergej „Report“. *Front* 1 (1930): 45–52.
- Tret'yakov Sergej. „Novyj Lev Tolstoj“. *Novyj LEF* 1 (1927): 34–38.
- Tret'yakov Sergej. „Na kolhozy“. *Novyj LEF* 11 (1928): 8–14.
- Tret'yakov Sergej. „Prodolzhenie sleduet“. *Novyj LEF* 12 (1928a): 1–4.
- Tret'yakov Sergej. „Skvoz' neprotertye ochki“. *Novyj LEF* 9 (1928b): 20–24.
- Tret'yakov Sergej. *Vyzov. Kolhoznye ocherki*. Moskva: Federaciya, 1930.
- Tret'yakov Sergej. „Pisatel' — kolhoznik. Raport“. *Literaturnaya gazeta* 40 (77) (sentyabr' 1930a): 2–3.

- Tret'yakov Sergej. *Mesyac v derevne (iyun'-iyul' 1930 g.). Operativnye ocherki*. Moskva: Federaciya, 1931.
- Tret'yakov Sergej. *Tsytyacha i odin trudoden': kolhoznye ocherki*. Moskva: Sovetskaya literatura, 1934.
- Tret'yakov Sergej. „O zvukovom kino v burzhuznyh stranah“. Ratiani Irina (red.). *Sergej Mihajlovich Tret'yakov. Kinematograficheskoe nasledie*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2010: 195–211.
- Tret'yakov Sergej. „Pisatel' i socialisticheskaya derevnya“. Ushakin Sergej (red.). *Formal'nyj metod: Antologiya russkogo modernizma*. Т. II. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2016: 359–364.
- Yangfel'dt Bengt. *Lyubov' eto serdce vsego. V. V. Mayakovskij i L. Yu. Brik. Perepiska. 1915–1930*. Moskva: Kniga, 1991.
- Yangfel'dt Bengt. *Stavka — zhizn'. Vladimir Mayakovskij i ego krug*. Moskva: KoLibri, 2009.

Валериј Гречко

„БЕРЛИНСКИ РЕФЕРАТ“ СЕРГЕЈА ТРЕТЈАКОВА
И КОНЦЕПЦИЈА „ОПЕРАТИВНОГ ПИСЦА“

Резиме

У периоду од 1930. до 1931. године Третјаков је путовао по неколицини европских земаља, ступајући у контакт са левичарским интелектуалним и уметничким круговима. У јануару 1931. године, током јавног предавања у Берлину под насловом „Писац и социјалистичко село“, први пут је представио своју концепцију „оперативног писца“. Ова концепција довела је у питање традиционална схватања књижевног стваралаштва и друштвене улоге професионалног писца. Уместо да писца посматра као непристрасног посматрача или творца аутономних дела, Третјаков је предложио да се он сагледава као активни учесник друштвених процеса — аутор који је непосредно укључен у организовање, документовање и трансформисање стварности, нарочито у контексту социјалистичке изградње.

У овом чланку концепција Третјакова разматра се у ширем контексту совјетско-немачких интелектуалних и уметничких веза тог времена. Скреће се пажња на то да је Третјаков могао формулисати сам термин „оперативни писац“ управо захваљујући свом боравку у Немачкој.

Кључне речи: Сергеј Третјаков, оперативни писац, есеји о колхозу, Нови ЛЕФ, совјетско-немачки културни контакти.